

БЕНЕФИС | Наталье Лихобабиной рукоплескали зрительные залы России и Европы

РИТА ДАВЛЕТШИНА

Стройная фигура, идеальная осанка, летящая походка, длинная шея, высоко поднятая голова, широкий размах бровей и прямой взгляд огромных глаз. Гордычка? Нет. Балерина.

Наталья Лихобабина – прима магнитогорского театра оперы и балета, педагог-репетитор театра, преподаватель и директор хореографического училища при Магнитогорской государственной консерватории, студентка магистратуры Санкт-Петербургской академии русского балета имени Вагановой. Ей рукоплескали зрительные залы России и Европы, но перед бенефисом, который состоится 23 октября на сцене родного театра, Наталья волнуется, словно первокурсница. Потому что привыкла всё делать по максимуму. Даже в ущерб собственному здоровью – как, собственно, все настоящие балерины.

– В балет вы пришли поздно – в двенадцать лет, после балльных танцев. Зачем променяли эффектную хореографию на голгофу у станка?

– (Смеётся). С балльными танцами расставалась трудно, совмещала их с балетом два года. Но пришлось – нагрузка неимоверная. Выбрала классику, а балльные танцы – это всё-таки не профессия, а хобби.

– Как в Магнитогорске из ничего появился балет? Каким оно было, хореографическое училище на заре становления?

– В Магнитогорске классическим балетом занималась Галина Викторовна Галашенко. Она и набирала первый курс вместе с Сергеем Николаевичем Севрюковым, руководителем танцевального коллектива «Калейдоскоп». Многие были его воспитанницами, другие пришли из гимнастики – компания разношёрстная, но смотрели прежде всего на «физику»: хорошая растяжка, фигура, спина балетная...

– После пяти лет учёбы здесь вы променяли Магнитогорск на Уфу...

– Скорее, Магнитогорское хореографическое училище на Башкирское училище имени Рудольфа Нуриева. Мне хотелось профессионального роста, окунуться в атмосферу академизма, а училище в Уфе – это храм балета. Получив диплом, шесть лет отработала в Уфимском театре, ездила на гастроли и с ним, и с труппой Имперского русского балета Гедиминаса Таранды...

– Только не обижайтесь: седьмым лебедем слева?

– (Смеётся). Нет, я ещё в Уфе танцевала и сольные, и ведущие партии. В трудовой книжке запись – ведущий мастер сцены, это самый высокий разряд. Уже вернувшись в Магнитогорск, какое-то время продолжала ездить с гастрольями в Европу.

– Почему вернулись?

– Многочисленные травмы коленей не позволяют выдерживать постоянную нагрузку: только на левом колене перенесла три операции. Сейчас могу выдержать максимум месяц гастролей – и то тяжело. К тому же, тридцать лет – пенсионный возраст для балерины, хотя многие танцуют и до сорока. Балет – искусство молодых, это нужно понять и вовремя уйти. Видела много балерин, которые намертво цеплялись за сцену. А тело уже не то – нет гибкости, податливости... Если бы не травмы – я ещё долго была бы в форме. Но решила подумать о здоровье и переключилась на преподавание.

– Как ваш папа (солист театра оперы и балета, заслуженный артист России Сергей Лихобабин – прим. авт.), зная, сколь опасен и скользок путь в искусстве, отпустил вас в него, да ещё и в травмоопасный балет?

– Он сам и привёл меня к Сергею Севрюкову, когда открылся театр. Тот ответил честно: данные средние, но, может, что и получится. Огромное ему спасибо за этот шанс, потому что в другое училище меня в том состоянии вряд ли бы взяли. От природы у меня было только два качества балерины: прыжок и вращение. В остальном делала себя сама под руководством педагогов.

– Так хотелось танцевать?

– Безумно. В Уфе не видела ничего, кроме театра и балетного класса, готова была поломать все кости, лишь бы добиться формы.

На кончиках пуантов

ФОТО: ЕВГЕНИЙ РУХЛАЧЕВ

– Сломанные колени, отсутствие личной жизни – оно того стоило?

– Да. Если бы пришлось начинать сначала – сделала бы всё равно так же.

– Ником профессиональной карьеры считаете...

– Роль Мирты в «Жизели» и, наверное, поступление в магистратуру. Российский балет зарождался в Санкт-Петербурге. Академии имени Вагановой уже 276 лет, там преподают выдающиеся балерины, есть даже ученицы самой Вагановой.

– Вы теперь директор хореографического училища. Зачем ещё одно образование?

– Хочу развиваться как педагог, мечтаю поработать в ведущих хореографических училищах страны – Пермском, Красноярском или Краснодарском, воспитывающем кадры для своего театра, который существует под именем великого Юрия Григоровича. Но даже если и останусь в Магнитогорске, то со знаниями высшего уровня.

– А нужен ли балет в широком смысле маленькому городу Магнитогорску?

– Наш город достоин этого. Почему полны хоккейные школы? Потому что много хоккея: в «Арене», по телевизору. Балету приходят учиться единицы. Талантливые, понимая бесперспективность здесь, уезжают – и это нормально, все хотят максимальной самореализации. Наше училище существует семнадцать лет, можно сказать, вопреки – как и балетная труппа. Сцены нет, зарплата равна прожиточному минимуму. Девушки ещё могут надеяться на мужей, а мужчины? Либо бегут из балета, либо работают в пяти-шести местах и сами запутались, где основная работа и творчество, а где шабашки.

– Для вас балерина и танцовщица – одно и то же?

– (Задумывается). Нет. Всё-таки балерина – это классика, пуанты, пачка, хотя она танцует и современную хореографию. А вот танцовщица вряд ли идеально пройдёт по сцене на пуантах.

– Как папа, патриот Магнитки и театра, воспринял ваш отъезд?

– Я просто поставила родителей перед фактом: либо уезжаю, либо покидаю балет. Они поддержали. Может, просто не верили, что меня примут в училище, а потом было уже поздно (смеётся). Но в выборе работы – а после училища меня пригласили и в Башкирский театр, и в Малый оперный театр Санкт-Петербурга – мнение родителей сыграло решающую роль. Они просто попросили не уезжать так далеко от них.

– Вот так родители ломают наши судьбы...

– Нет, я не жалею. В Уфе прошла все ступени роста – от кордебалета до ведущих партий, любила театр, труппу. Правда, каждый год собиралась уехать в Петербург – в итоге поехала, только сейчас – учиться (смеётся).

– Остались ещё мечты?

– Наверное, потанцевать. Но тут всё решает здоровье. Меня многие спрашивают: бенефис – это точка? Хотелось бы сказать – запятая. И обзавестись семьёй, конечно.

– Но для этого вам нужно просто, выйдя из балетного класса, прогуляться по городу и познакомиться с молодым человеком. Не пойдёте же вы замуж за коллегу!

– (Смеётся). Кстати, всегда мечтала выйти замуж за балетного, прямо бредила: вместе ездим на гастроли, смотрим мир, говорим на одном языке, помогаем друг другу... Да и сейчас хочется, чтобы муж был близок к искусству. Были в жизни разные встречи, но мужчины из другого мира мне не интересны. В любом случае, хочу мужа сильнее меня. Знаете, с удовольствием отдаю себя в его руки.

– Вы с раннего детства взяли себя в ежовые рукавицы диет, круглосуточных тренировок и неимоверных физических нагрузок. Вы перенесли кучу операций и испытываете ежедневную боль не то что в танце – при ходьбе, но привыкли относиться к этому как к обыденности и перестали замечать боль. И вы считаете, что есть мужчина сильнее вас?

– (Хочет). Какая интересная тема для раз-

мышлений! Может, действительно стоит немного снизить планку? Но слабого я тоже не выведу. Какое-то время можно, но быстро надоеет.

– Если вдруг у вас будет дочка, костыми ляжете, чтобы не пустить её в балет, или, напротив, отгадите учиться в три годика?

– Конечно, мне бы хотелось, чтобы дочь занималась танцами. Зависит от природы: нет данных – вот тут лягу костыми, лишь бы она не мучилась потом от профессиональной неполноценности. А увижу потенциал – отдам, если ей захочется.

– Волнуетесь перед бенефисом?

– Очень. Я максималистка, хочу, чтобы всё было на высшем уровне. В первом отделении представлю классические номера мирового репертуара, на сцену выйдут и мои ученики – студенты училища и артисты театра. Второе отделение – одноактный балет «Любовь быть может», поставленный Викторией Сайкиной, – один из самых моих любимых в театре. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить и Викторину, и Александра Шеина, которые очень помогают мне в работе над бенефисом.

– У балетных есть две позиции. Первая – Майи Плисецкой: «Сию не жрамши». Вторая – Бриджит Бардо: «Я не ем – я пробую». Какой придерживаетесь вы?

– Не задумывалась. В детстве отучила себя от сладкого, поэтому сейчас спокойно отношусь и к тортам, и к шоколаду. Конечно, есть таз еды на ночь не буду – точно. Но если хочу шашлык – ем, и шампур, и даже два. Не могу есть, когда нахожусь в стрессе или переживаю – тут уж кусок в горло не лезет. А потом, так много работаю, что порой и поесть забываю. Вспоминаю, когда уже сосёт под ложечкой.

– Для примы театра и просто красивой женщины вы очень адекватный человек.

– (Смеётся). У меня на звёздную болезнь просто времени нет: целыми днями с учениками, в поте лица – где уж тут! ☺

Рита ДАВЛЕТШИНА ответит на ваши вопросы на сайте magmetall.ru

